О. Н. Филитова

НАСКОЛЬКО ДЕТЕКТИВНА «ДЕТЕКТИВНАЯ ПОВЕСТЬ» В.Г. ЛЕЦИКА «ДЕД БЯНКИН – ЧАСТНЫЙ СЫЩИК»?

Повесть «Дед Бянкин – частный сыщик» – одно из первых произведений амурского прозаика и поэта В.Г. Лецика – была напечатана летом 1975 года и сыграла важную роль в жизни автора1. Книга рассказывает о расследовании запутанного дела: два старика – Бянкин и Максимов – жители посёлка Балыктак находят золото в старом сапоге. Один из стариков – начитавшийся детективов дед Бянкин – начинает поиски преступника. Под подозрение подпадают люди, работающие на драге: начальник драги – Федор Козлов, драгер Пасюра, Пашка Письменчук и даже сполосчица Светка Авдеева. Под действием эмоций и знаний, почерпнутых из детективных книг, Бянкин в своем расследовании применяет различные методы: засада, слежка и т.д. Он стремится найти преступника, чтобы восстановить справедливость, а также прославиться. В конце концов, ему совершенно случайно удается схватить преступников.

Говорить о жанровой принадлежности этой повести В.Г. Лецика одновременно и трудно, и легко. Легко, потому что сам автор дает определение ее жанра; трудно, так как писатель, характеризуя свое произведение, может умышленно вводить читателей в заблуждение, вступая с ними в литературную игру2.

---

[1] В неопубликованной автобиографии В.Г. Лецика читаем: «Когда «Дед Бянкин» был напечатан в литературном альманахе «Приамурье моё» за 1977 год (он вышел в продажу в 1978 году), благовещенские литераторы сочли меня писателем, каковым я сам себя, если говорить всерьёз, не считал. Между тем в Москве готовилось VII Всесоюзное совещание молодых писателей. Руководитель областной организации Союза писателей СССР Борис Машук включил меня в число кандидатов от Амурской области, но заявил мне, что конкурс на это совещание жёсткий, примерно триста человек на место, и что одной моей повестушки мало – там требуют большего объема написанного».

[2] Об игровом начале в творчестве В.Г. Лецика см.: *Забияко А.А.* Лирический герой Владислава Лецика: homo legens – homo ludens // Лосевские чтения –

На вопрос о жанре «Деда Бянкина» предлагается несколько ответов. В самом художественном тексте даётся два определения: «детективная автобиография»3и мемуары4. А в своей автобиографии Лецик пишет: «В течение лета 1975 года писал повесть "Дед Бянкин – частный сыщик" и одновременно печатал ее в своей районке, главу за главой. Повесть была детективной…»5.

В словаре литературоведческих терминов читаем: «Детективная литература <…> – литература, посвящённая раскрытию методом логического анализа сложной, запутанной тайны, чаще всего связанной с преступлением». Далее приводится классификация детективов: «Главнейшие разновидности детективной литературы – научный детектив, пользующийся позитивными средствами исследования материальных улик, интуитивный детектив, основывающийся на догадке и глубоком проникновении в психику преступника и другая детективная литература». Авторы статьи выделяют также «чёрный роман» и «революционный детектив»6.

Один из современных исследователей детективной литературы Мир-Багирова дополняет это определение: «Наиболее распространённое определение детективного жанра сводится к тому, что это – раскрытие тайны, расследование преступления с помощью анализа. Детектив – это жанр, в котором сыщик, поль-

---

2010: Материалы региональной научно-практической конференции. / Под ред. А.В. Урманова. Выпуск 3. Благовещенск: Изд-во БГПУ, 2010. С.97 – 118.

[3] «На первой странице был крупно нацарапан заголовок: "ТАЙНА СТАРОГО САПОГА". А ниже – помельче: "Детективная автобиография тов. Бянкина А.Ф."». *Лецик В.Г.* Пара лапчатых унтов. Повести и рассказы. Благовещенск: Амурское отделение Хабаровского кн. изд., 1984. С.9. Далее повесть цитируется по этому изданию с указанием страниц в скобках.

[4] «Если кто из читателей предпочитает узнать про тайну старого сапога со слов непосредственного участника этой истории, – те могут подождать, пока дед Бянкин положит шесть пудов рукописей на свои полки. Я не уверяю, что он сделает это завтра… Но любители мемуаров – народ терпеливый. Они подождут» (10).

[5] Лецик В.Г. Цитируется по рукописной автобиографии В.Г. Лецика.

[6] Словарь литературоведческих терминов / Ред.-сост. Л.И.Тимофеев, С.В. Тураев. М.: Просвещение, 1974. С. 67.

зуясь профессиональным опытом или особым даром наблюдательности, расследует, а тем самым аналитически реконструирует обстоятельства преступления, опознаёт преступника и во имя определённых идей осуществляет победу добра над злом»7.

Анализируя жанр детектива, В.А. Ревич замечает, что наибольший «интерес представляет социально-критическая разновидность детективной литературы, в которой дается "особый срез реальной жизни" (Б. Брехт), изображаются реальные социальные противоречия, выдерживаются психологические мотивировки поведения персонажей.

<…> Особую ветвь детективной литературы образует литература о деятельности секретных агентов, типологически восходящая к роману Ф. Купера "Шпион" (1821)»8.

Говоря о востребованности детективной литературы в XX веке, Н.В. Киреева отмечает, что «<…> детектив представляет собой идеальную жанровую модель, на которой базируется сюжетное повествование»9. Таким образом, автор добивается динамизма и живости в изложении событий, передает напряжённость происходящего, интригует публику.

Первое на что обращает внимание читатель – это заголовок литературного произведения. В.Г. Лецик назвал свою детективную повесть – «Дед Бянкин – частный сыщик». Насколько такое название вписывается в традицию классических детективных произведений?

Прежде всего обратимся к заглавиям книг родоначальника детективной литературы Эдгара По. Заголовки его повестей («Убийство на улице Морг» и «Тайна Мари Роже») сродни заголовкам литературы ужасов; они должны привлечь читателя и

---

[7] Мир-Багирова С.А. Детективный жанр в Азербайджанской литературе в контексте мировой литературы. [Электронный ресурс] Режим доступа: http://zhurnal.lib.ru

[8] *Ревич В.А.* Детективная литература / Литературный энциклопедический словарь/ Под общ. ред. В.М. Кожевникова, П.А. Николаева. М.: Сов. энциклопедия, 1987. С. 91.

[9] *Киреева Н.В.* Между элитарным и массовым: новые стратегии писательского поведения и жанровая поэтика постмодернистской литературы США. Благовещенск: Изд-во БГПУ, 2007. С. 200.

одновременно шокировать его. Но наиболее важными для нашего исследования представляются заголовки произведений самых известных писателей-детективщиков: Ж. Сименона и А. Конан Дойла, косвенно упоминающихся в «Бянкине»10.

Книги Артура Конан Дойла о великом сыщике Шерлоке Холмсе носят очень разнообразные названия: «Союз Рыжих», «Скандал в Богемии», «Пять зернышек апельсина», «Человек с рассеченной губой», «Голубой карбункул», «Пестрая лента», «Обряд дома Месгрейвов», «Последнее дело Холмса», «Пустой дом», «Пляшущие человечки», «Черный Питер», «Шесть Наполеонов», «Второе пятно», «Три студента», «Рейгетские сквайры», «Медные буки», «Шерлок Холмс при смерти», «Собака Баскервилей» и др. В заглавия выносятся названия каких-либо необычных предметов, обозначения людей с различными привлекающими к себе приметами, упоминания ритуальных действий и т.д. Цель таких названий – приковать внимание читателей, заинтриговать их. Заметим, что имя сыщика упоминается в заглавии лишь нескольких произведений. Книги же Жоржа Сименона, посвященные комиссару Мегрэ, обязательно включают в свое заглавие его имя: «Револьвер Мегрэ», «Мегрэ, Лоньон и гангстеры», «Мегрэ у министра», «Мегрэ и человек на скамейке», «Трубка Мегрэ», «Сомнения Мегрэ», «Промах Мегрэ», «Гнев Мегрэ», «Мегрэ и убийца», «Мегрэ и господин Шарль». Таким образом, автор делает акцент на главном герое (в особенности на его психологии), в то же время, сохраняя интригу, загадку.

В повести амурского автора употребление имени героя в заглавии произведения имеет немного другой оттенок, чем в классическом детективе. Конан Дойл нагнетает трагичность и дополнительную напряженность, называя произведение «Шерлок Холмс при смерти». Ведь читатель уже давно знаком с героем и успел проникнуться к нему симпатией и полюбить его. Сименон нередко делает акцент на чувствах и эмоциях героя («Со-

---

[10] «…дед ходил по поселку, надвинув ее/шляпу/ на глаза, проницательно поглядывая вокруг и соображая: на кого он больше походит – на Шерлока Холмса или на комиссара Мегрэ»(17-18).

мнения Мегрэ», «Гнев Мегрэ» и др.), на предметах, принадлежащих герою и характеризующих его («Револьвер Мегрэ», «Трубка Мегрэ» и т.д.), на сложности ситуации, в которой оказывается герой («Промах Мегрэ» и т.д.). В этих заголовках герой детектива репрезентируется как серьезная, самодостаточная личность, вызывающая сопереживание и уважение. Указывая имя героя, Лецик на первый взгляд продолжает традиции Сименона. Однако название произведения двучастно, причем части контрастируют друг с другом. Первая часть заглавия как бы снижает героя, что обусловлено коннотацией слова «дед»: «слово дед употребляется в обиходно-разговорной речи и преимущественно по отношению к сельскому жителю или с шутливо-ироническим оттенком по отношению к горожанину, своим внешним видом, одеждой и т.п. напоминающему деревенского старика, будучи употребительным в обращении, выражает грубовато-фамильярное отношение»11. В то же время амурский автор своеобразно интригует и заманивает читателя: его герой – «частный сыщик», а, значит, нас ожидает какая-то тайна, какое-то приключение. Следовательно, уже в заголовке повести явственно видна двойственная и противоречивая природа произведения, с одной стороны ориентированного на жесткую, давно сформированную традицию, а с другой – попирающего эту традицию, насмехающегося над ней.

Каждому литературному жанру присущи те или иные особенности, одной из которых является пространственно-временная организация.

В.Г. Лецик не указывает на точное время, когда происходят события повести: мы не знаем ни год, ни месяц, ни число. Единственное указание на время – косвенное: упоминание о том, что дед Бянкин пошел за моховкой12.

---

[11] Словарь синонимов русского языка. В 2 т. Т. 2 (О – Я) / Гл. ред. А.П. Евгеньева. Л., 1971. С.497.

[12] «Моховка. 1. Растение смородина лежачая <…> 2. Ягода того же растения, темного цвета, типа смородины, крыжовника» /Словарь русских говоров Приамурья / авт.-сост.: О.Ю. Галуза, Ф.П. Иванова, Л.В. Кирпикова, Л.Ф. Путятина, Н.П. Шенкевец. Изд. 2-е, испр. и доп. Благовещенск: Изд-во БГПУ, 2007. С.255.

Не секрет, что для большого числа детективных произведений характерна четкая датировка, указываются не только год, месяц и день, но даже час и минута происходящих событий. Например, в рассказе Конан Дойла «Союз рыжих» указано точное время выхода газеты с объявлением «27 апреля 1890 года. Ровно два месяца назад»; в произведении «Пять зернышек апельсина» приведена скрупулезная датировка всех событий, например, такая: «Март 1869 года», а внизу следующие загадочные заметки:

4 го. Гудзон явился. Прежняя платформа.

7 го. Посланы зернышки Мак Коули, Парамору и Джону Свейну из Сент Августина.

9 го. Мак Коули убрался.

10 го. Джон Свейн убрался.

12 го. Посетили Парамора. Все в порядке».

Сходным образом поступает и Ж.Сименон: «Обычно в такое время лестница редко пустовала, но в этом году 12 июня в уголовной полиции уже царила отпускная атмосфера». А события повести А. Кристи «Убийство Роджера Экройда» расписаны буквально по минутам.

Обратим внимание, что происшествие, описываемое в повести, отнесено к прошлому, оно уже произошло. К тому же историю рассказывает сторонний человек – приехавший в Балыктак корреспондент. На наш взгляд, одна из причин[13] такого повествовательного хода – создание иллюзии документальности, подлинности происходящего. Еще раз вспомним историю создания и опубликования «детективной повести»: она печаталась в газете, то есть там, где читатель привык видеть достоверную информацию. Этот факт еще больше усугубляет ощущение реальности, исходящее от произведения. Автор сознательно играет на данной особенности восприятия текста. Еще Л.Я. Гинзбург отмечала, что «…документальная литература несет читателю двойное познание и раздваивающуюся эмоцию. Потому что существует никаким искусством невозместимое переживание подлинности жизненного события. Несколько строк газетной печа-

[13] Другая причина – выбор точки зрения на главного героя и его окружение.

ти потрясают иначе, чем самый великий роман»14.

В отличие от времени, место действия «Деда Бянкина» обозначено четко – поселок Балыктак – «самый дальний участок прииска. Там всего одна драга, полтора десятка домов» (7). Такой выбор места не может не обратить на себя внимание – писатель заранее сужает круг подозреваемых – в поселке всего «полтора десятков домов», а, значит, сыщику будет легче найти преступника. Затем под подозрение попадают лишь те жители Балыктака, которые работают на драге. Такая (сужающаяся) пространственная организация свойственна многим детективным произведениям.

В.Г. Лецик еще больше сужает и ограничивает место действия, указывая, что события разворачиваются в отрезанном от окружающего мира пространстве:

«На щитке вспыхнула лампочка.

– Гос-споди! – Клава воткнула штекер в гнездо. – Да? С районом связи не-ту!.. Почем я знаю? На линии что-то. Вон дождь-то как хлещет. Может опору где смыло…» (23)

Из Балыктака не только нельзя позвонить, но и добраться до райцентра:

«Дед, репетируя в уме доклад милицейскому начальству, не сразу заметил, как изменилась река – обычно не очень широкая, вся в ряби перекатов. Сейчас ни перекатов, ни отмелей не было. Вода поднялась, наверно, метров на пять. Торпедами пролетали по ней смытые лиственницы, тополя, елки.

Вылезли из кабины.

– Во, воды прибыло! – восхищенно сказал Бянкин.

Аркаша вглядывался в противоположный берег.

– Парома-то нет! – закричал он.

Дед торопливо обшарил взглядом тот берег. Вон избушка паромщиков, – кажется, перетащили ее подальше от воды. Вон и припаромок… А парома – двух больших железных спаренных лодок под настилом – и в самом деле не было.

– Смыло! – орал Аркаша. – Проспали, раздолбаи!

Он имел в виду паромщиков.

---

[14] *Гинзбург Л.Я.* О психологической прозе. М.: INTRADA, 1999. С.9.

… Когда дед вернулся к Максимову, тот все так же сидел на кровати в одном белье.

– Вот так, Ваня, – сказал дед Бянкин. – В плену стихии мы с тобой. Все козыря этому жулью.

Сел рядом на койку, рассказал. Уставились оба в пол. Это был уже их третий военный совет. Самый унылый. Связи с миром никакой» (24-25).

Напомним, что действие многих классических произведений детективной литературы происходит в замкнутом пространстве: на острове, в особняке, в старинном фамильном замке15, поезде и т.д. Следовательно, уже на уровне хронотопа произведения В.Г. Лецика прослеживается противоречивость: временная организация повести не свойственна детективу, в то время как пространственная явно тяготеет к исследуемому жанру.

Посмотрим, органично ли вписывается главный герой «Деда Бянкина» в столь своеобразный хронотоп произведения?

Расследование Бянкина не отличается логичностью. Он действует «от противного». Им движет упрямство и обида, жажда славы и справедливости. Его действия перенесены из сферы умозаключений и анализа в сферу активных физических действий. Бянкин всячески стремится действовать, совершать какие-либо поступки. Засада, слежка, непосредственная поимка злодея, – вот его методы. Соответствует ли дед Бянкин стандартам классического сыщика? Со всей очевидностью можно сказать – нет.

Классический образ сыщика был создан еще в произведении родоначальника детективной литературы Э.По. Отличи-

---

[15] Кстати, не обошлась без этой детали и повесть Лецика:

«…Драга высилась перед ними, как корабль, но вместо водных далей за кормой ее были кучи гравия, а впереди – взрытое, расчищенное бульдозерами пространство, подступающее к стене ельника. Драга медленно поворачивалась в котловане, заполненном водой, вздрагивала. Уши ломило от могучего гудения и лязга железа.

С палубы на берег котлована опустился трап – словно подъемный мостик через ров средневекового замка. А высоко над ними, облокотясь на железные перильца, стоял козлов и глядел на пришельца. И странствующий рыцарь ОБХСС шагнул в таинственный прохладный сумрак плавучего замка» (38).

тельная черта героя «Убийства на улице Морг» С.-Огюста Дюпена – несокрушимая логика, способность к анализу. Эти же качества найдут воплощение и в образах других известных литературных детективов: Шерлока Холмса16, Эркюля Пуаро, Мегрэ и т. д. Зачастую, сыщик классического детектива не совершает активных действий, расследование преступления происходит в его голове. Порой, раскрывая преступление, сыщик даже не выходит из дома. Характеризуя главного героя детективной литературы, А. Ю. Наркевич пишет, что «обостренная наблюдательность и изобретательная логика» стали «основным достоинством героя»17. А Мир-Багирова даже рассматривает логичность в качестве жанрообразующей черты детектива: «Под детективным произведением понимается такое эпическое /драматическое/ повествование, в котором методом логического анализа последовательно раскрывается какая-нибудь сложная, запутанная загадка или тайна»18.

Однако не стоит забывать, что В.Г. Лецик создавал свое произведение в эпоху популярности детективных книг и фильмов о буднях милиции, в которых на первый план выходит приключенческая линия повествования. В ходе расследования герой подобного произведения проделывает ряд традиционных манипуляций, в числе которых: слежка, засада и т.д. Дед Бянкин устраивает засаду, выслеживает преступника, подслушивает, приглашает понятых. Из книг он отлично знает весь ритуал расследования уголовного дела и старается во всем следовать ему.

Тот или иной герой детективной литературы ассоциируется в сознании читателя с каким-либо предметом. Так, Шерлок

---

[16] «Почти в каждом рассказе о приключениях Шерлока Холмса его мыслительная работа демонстрируется как основной его подвиг», – пишет К.И. Чуковский в предисловии к «Запискам о Шерлоке Холмсе». (Артур Конан Дойл. Записки о Шерлоке Холмсе. Рассказы и повесть, перевод с английского. Л.:Детская литература, 1978.)

[17]Наркевич А.Ю. Детективная литература. / Краткая литературная энциклопедия. [Электронный ресурс] Режим доступа: http://www.literari.ru

[18] Мир-Багирова С.А. Детективный жанр в Азербайджанской литературе в контексте мировой литературы. [Электронный ресурс] Режим доступа: http://zhurnal.lib.ru

Холмс и Мегрэ немыслимы без трубки, Эркюль Пуаро без трости и т.д. Бянкин тоже выбрал для себя предмет, свидетельствующий о его принадлежности к касте великих сыщиков. Этот предмет – шляпа: «Подошел маленький дед в кожаной шляпе, похожей на облезлую и сплюснутую волейбольную покрышку… Он задрал голову, потому что обвисшие поля шляпы почти закрывали ему глаза…»(8). Интересна история этой шляпы – она еще раз намекает читателю на необычность образа частного сыщика: «Заезжий артист областной филармонии, помятый, поживший дядя, подарил ему свою не менее пожившую шляпу, и дед ходил по поселку, надвинув ее на глаза, проницательно поглядывая вокруг и соображая: на кого он больше походит – на Шерлока Холмса или на комиссара Мегрэ» (17–18). Если в классическом детективе шляпа, трубка и т.д. выступают как органичная часть образа, то в повести Лецика шляпа – элемент карнавала, элемент игры, как бы указание на шаткость принадлежности героя к числу великих детективов.

Зачастую в классической детективной литературе у сыщика есть верный помощник (доктор Ватсон у Шерлока Холмса, Гастингс у Эркюля Пуаро) или благодарный слушатель (повествователь у С.-Огюста Дюпена). Как правило, помощник по наивности своей заблуждается и принимает за преступника абсолютно невиновного человека. Когда же сыщик выводит преступника на чистую воду, помощник искренне восхищается его мыслительными способностями. У Бянкина тоже есть помощник – Иван Гаврилович Максимов, к мыслительным способностям которого дед относится с легким пренебрежением. «Этот Максимов – чурка с глазами» (12), – свысока думает Бянкин. Однако дед доверяет ему и всячески пытается привлечь к расследованию: они вместе устраивают засаду, вместе идут вызывать милицию, вместе дают показания Ломихину и т. д. Бянкин хочет доказать Максимову свою правоту, для этого приходит к нему, чтобы пригласить его в качестве понятого. Но, как выясняется в финале повести, «верный оруженосец» сам оказывается коварным преступником. Таким образом, профанируется традиционная идея наивного помощника-простака и мудрого всезнай-

ки-сыщика. В.Г. Лецик меняет героев местами, тем самым, переворачивая традиционную детективную схему с ног на голову.

Достаточно устойчивая коллизия детективной литературы – обращение представителей официальных органов правопорядка, не имеющих интеллектуальных возможностей найти преступника, за помощью к знаменитому частному сыщику. При этом полицейские предстают не с самой лучшей стороны, как люди ограниченные и примитивные. Каково соотношение сил между Бянкиным и лейтенантом Ломихиным? Автор предупреждает нас: «Ломихин всего год, как окончил школу милиции. Район он уже знал, – кроме, как назло, этого вот Балыктака. И случилось так, что пришлось посылать сюда его: зубр Степанько лежал в больнице с воспалением легких, заместитель начальника райотдела в командировке, еще один инспектор сдавал как раз экзамены. Конечно, если придется туго, без помощи не оставят» (37). Дед Бянкин дает молодому лейтенанту ценные советы, призывает его к активности. Отношение же Ломихина к деду противоречиво: с одной стороны, он серьезно думает над «версией Бянкина», с другой – Бянкин – один из подозреваемых. В итоге лейтенанту все-таки удается с помощью логики вычислить преступника, однако схватить небритого помогает неуемная энергия деда. Ломихин и Бянкин, выражая различное отношение к ведению дела, дополняют друг друга. Это еще одна новаторская находка Лецика.

И, наконец, самое главное – сюжет детективного произведения сосредоточен вокруг преступления и его расследования. Обнаружив золото, дед Бянкин сразу же заговорил о хищении, правда, сделать такой вывод помог ему Максимов. Но в конце повести читатель выясняет, что никакого хищения не было – золото нашёл в своем подполье Иван Гаврилыч. Таким образом, с самого начала Бянкин идёт по ложному следу, он пытается раскрыть преступление, которое не было совершено.

Из всего вышесказанного очевидно, что мы имеем дело с совершенно необычным детективным произведением: главный герой распутывает несуществующее преступление; поступки сыщика лишены логики, а иногда и здравого смысла; помощник

детектива оказывается преступником… Автор сознательно переворачивает все традиционные сюжетные ходы детективного произведения. Перед нами не детектив, а пародия на него. Как отмечал Б.Эйхенбаум: «Пародирование сюжетных схем, несовпадение с традиционным их движением – частое явление в литературе. Художественная мысль часто работает по законам каламбура: берутся привычные положения, с которыми связаны прочные ассоциации, но в чем-нибудь делается отступление – вносится нечто неожиданное, "случайное", разрушающее механическое развитие сюжетной схемы. Происходит новое осмысление традиционной формулы»19. Лецик по-новому осмысливает традиционную формулу популярнейшего жанра – детектива. В.Е. Хализев отмечает, что «пародийные произведения способны воплощать благое начало непринужденной веселости, артистизма и игровой легкости»20. Игра, появившаяся уже в одном из ранних произведений писателя, станет отличительной особенностью его зрелого, в том числе, и поэтического творчества.

Итак, произведение В.Г. Лецика основано на сознательной манипуляции восприятием читателя. Автор разбрасывает «приманки» для читателя, создавая простенькое на первый взгляд произведение. Писатель сам определяет жанр повести – «детективная автобиография», указывая тем самым на синтез жанровых моделей, однако он не только смешивает жанры, но и активно пародирует их традиционные ходы и построения. Даже сам главный герой – дед Бянкин – с одной стороны, пародия на героя детективов и мемуаров, а с другой, традиционный образ чудака.

---

[19] *Эйхенбаум Б.*Болдинские побасенки Пушкина. // *Эйхенбаум Б.* О литературе. Работы разных лет. М.: Советский писатель, 1987. С.247. По этому же поводу Ю. Тынянов замечает: «Обнажение условности, раскрытие речевого поведения, речевой позы — огромная эволюционная работа, проделываемая пародией. Процесс усвоения какого-либо литературного явления есть процесс усвоения его как структуры, как системы, связанной, соотнесенной с социальной структурой. Процесс такого усвоения торопит эволюционную смену художественных школ» *(Тынянов Ю.Н.* О пародии. // *Тынянов Ю.Н.* История литературы. Поэтика. Кино. М., 1977. С. 310).

[20] *Хализев В.Е.* Теория литературы. М.: Высш. шк., 2007. С.265.